

Экиноведческие Записки

102/103

● **Общественный консультативный совет
Эйзенштейновского центра
исследований культуры
и журнала «Киноведческие записки»**

Вячеслав ИВАНОВ (*Москва, Лос-Анджелес*)

Ларс КЛЕБЕРГ (*Стокгольм*)

Наум КЛЕЙМАН (*Москва*)

Виктор ЛИСТОВ (*Москва*)

Аннет МАЙКЛСОН (*Нью-Йорк*)

Дэвид РОБИНСОН (*Лондон*)

Акош СИЛАДИ (*Будапешт*)

Юрий ЦИВЬЯН (*Рига, Чикаго*)

Ханс-Йоахим ШЛЕГЕЛЬ (*Берлин*)

Бернар ЭЙЗЕНШИЦ (*Париж*)

Михаил ЯМПОЛЬСКИЙ (*Москва, Нью-Йорк*)

КИНОВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ 102/103

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2013

Издается с 1988 года

Выходит 4 раза в год

*Издание осуществляется при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и Регионального общественного фонда «Эйзенштейн-центр»*

Основатель журнала – А.С.Трошин

Главный редактор – Н.И.Клейман

Директор – Л.В.Иванова

Художественный редактор – М.Б.Дашкова

Редколлегия

**П.А.Багров, Н.А.Дымшиц, В.С.Листов,
Е.Я.Марголит, Н.И.Нусицова, К.К.Огнев,
Д.А.Салынский, Н.А.Цыркун**

Над номером работали:

**В.В.Забродин, В.С.Левитова, Дж. Манн,
В.Н.Румянцева, Т.В.Сергеева**

Учредитель Эйзенштейновский центр исследования культуры.
Председатель правления К.К.Огнев

При цитировании ссылка на «Киноведческие записки» обязательна.
Использование материалов в любой форме
без письменного разрешения издателя невозможно.

119034, Москва, Гагаринский переулок, 23, стр. 2;
тел./факс: (495) 662 05 95; e-mail: kinozapiski@yandex.ru, kz@kinozapiski.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРЕДКАХ СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ЭЙЗЕНШТЕЙНА

Жизнь и творчество великого советского кинорежиссера С.М.Эйзенштейна традиционно привлекают к себе внимание ученых-историков и искусствоведов. Исследователи, как может показаться на первый взгляд, изучили мельчайшие нюансы его биографии и творчества. Однако даже первое сколько-нибудь внимательное знакомство с посвященными ему трудами заставляет задуматься о том, как много вопросов, связанных с данной темой, до сей поры остаются без ответа. Одно из таких «белых пятен» — родословная Сергея Михайловича.

Действительно, даже о его ближайшем родственнике — «папеньке», Михаиле Осиповиче, довольно известном архитекторе — мы знаем далеко не все. Отчасти это объясняется тем, что до сей поры не введены в научный оборот архивные документы, содержащие важнейшие материалы, на основе которых возможно реконструировать некоторые этапы жизненного пути М.О.Эйзенштейна. О некоторых из этих источников, частью опубликованных, а частью хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), и пойдет речь в настоящей статье.

Сразу же хотелось бы обратить внимание на то, что свой жизненный путь отец создателя «Броненосца “Потемкин”» начинал под несколько иной фамилией. Среди списков студентов и выпускников Института гражданских инженеров, который, как известно, Михаил Осипович окончил в 1893 г., тщетно искать студента Эйзенштейна. Зато там фигурирует Михаил Айзенштейн, чье имя встречаем, в частности, среди учащихся пятого курса в 1892/1893 учебном году¹. Там же указано, что он поступил в вуз в 1887 г., после окончания Киевского реального училища². И действительно, в списках выпускников 1886 г. седьмого (дополнительного) класса этого училища значится Айзенштейн Михаил³. Крайне любопытно, что среди выпускников шестого класса предыдущего 1885 г. имелся некто Айзенштейн Моисей⁴. Весьма велика вероятность, что два этих человека — одно лицо. Причем совсем не обязательно утверждать, что в данном случае мы имеем дело с типографской опечаткой: как будет показано ниже, один из братьев Михаила Осиповича позже изменил свое имя в связи с переходом в православие, а потому едва ли будет слишком смелым предположение о том, что и здесь имел место подобный случай.

В материалах личного дела студента Института гражданских инженеров М.О.Айзенштейна можно найти его Киевский адрес: Большая Васильковская, дом Гольдфарта № 10, кв. 2⁵. Впрочем, из выданной 4 июля 1887 г. исполнительным отделением канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника

чальника справки о благонадежности следует, что непосредственно перед поступлением в вуз он уже проживал в столице «по Литейному проспекту в доме № 55». Его происхождение в этом документе обозначено следующим образом: сын «купца города Василькова Киевской губернии»⁶.

Примечательно, что первоначально М.О.Айзенштейн, видимо, планировал стать студентом Лесного института, куда из Киевского реального училища по запросу была выслана краткая характеристика на прежнего ученика. В ней говорилось, что в период учебы его поведение было отличным и в чем-либо предосудительном он замечен не был⁷. Затем в соответствии с желанием самого М.О.Айзенштейна также по специальному запросу его документы были переданы в Институт гражданских инженеров⁸.

В студенческие годы блестящих результатов будущему архитектору добиться не удалось. Уже на первом курсе у него возникли серьезные затруднения с освоением геодезии, и он едва не был отчислен за полученные на экзамене и переекзаменовке неудовлетворительные оценки. Что бы избежать этого, он даже вынужден был 1 июня 1888 г. обратиться с особым прошением на имя директора института: «На экзамене по Геодезии 28 апреля, я получил 2,5 [балла], на переекзаменовке 31 мая—2. Отметки по остальным девяти экзаменам хорошие. Принимая это во внимание, имею честь просить Ваше Превосходительство, а также Совет, войти в мое безвыходное положение и засчитать мою экзаменационную оценку 2,5, чем будет мне дана возможность перейти на второй курс»⁹. К счастью, ответ на эту просьбу был положительным, и студенту было предоставлено право «держаться осенью поверочные испытания и из предметов 1 курса для поступления во 2 курс»¹⁰. В 1890—1891 г. М.О.Айзенштейн серьезно болел, что также создавало дополнительные трудности в обучении и даже заставило его в мае 1890 г. обратиться с прошением об оставлении на второй год по болезни¹¹. Здоровье подводило его и в последующие годы¹².

Еще одну проблему создавал недостаток средств. Из-за этого ему не однажды приходилось подавать прошения о предоставлении стипендии¹³. Именно с этим связано происхождение свидетельства из канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника, подтверждавшее тяжелое материальное положение студента. Эта бумага не только содержит информацию о доходах и месте жительства М.О.Айзенштейна в студенческие годы, но и важные сведения о его семье, потому представляется целесообразным привести текст этого документа полностью.

«Канцелярия СПб Градоначальника
18 сентября 1891

Господину Директору Института гражданских инженеров
Проживающий в Московской части, 4 участка в доме 30, кв. 16 по
Забалканскому пр. студент Института гражданских инженеров Михаил
Осипович Айзенштейн обратился с просьбой о выдаче ему свидетельства
о бедности на предмет получения стипендии из Института гражданских
инженеров.

Из собранных вследствие сего и представленных полицией сведений видно, что проситель 24 лет от роду, поведения одобрительного, состояния бедного, имущества никакого не имеет, содержания от казны

не получает, имеет братьев: Владимира 17 лет, учащегося в Техническом училище, Николая 15 лет, Дмитрия 14 лет в Киевской гимназии, на счет отца, Александра 25 лет студента Лесного института, существующего на средства отца, и сестру Софию 19 лет, живущую при матери, в городе Киеве, отец просителя коммерсант, живет в городе Одессе, зарабатывает около 1500 рублей в год и оказывает помощь сыну по 15 руб. в месяц, чем последний при помощи чертежной работы и существует»¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что родители М.О.Айзенштейна проживали в тот период раздельно и что у него была одна сестра и четыре брата. Об одном из них—Дмитрии, погибшем в Русско-японскую войну под Мукденом,—С.М.Эйзенштейн упомянул в своих мемуарах, характеризуя его по детским впечатлениям, как «молодого, но храброго офицера с восхитительно изогнутой блестящей шашкой»¹⁵. О другом—Николае—некоторые пояснения будут даны ниже, здесь же дополнительно укажем, что в ЦГИА СПб и РГИА хранятся документы, касающиеся судьбы старшего из братьев—Александра, первоначально официально носившего иное имя. В частности, речь идет о его личном деле из фонда Лесного института. В нем имеются аттестаты, из которых следует, что родившийся в м[естечке] Белая Церковь 15 июля 1866 г. и исповедовавший иудаизм Аврам Айзенштейн, сын васильковского мещанина, в 1884 г. окончил шестой класс Киевского реального училища, а через год седьмой (дополнительный) класс того же учебного заведения¹⁶. Вероятно, он также не сразу определил свою будущую профессию, поскольку выданное 8 августа 1887 г. киевской полицией свидетельство о том, что он не состоял под судом, было адресовано в Институт путей сообщения. В этом документе Аврам Иосифович Айзенштейн обозначен как тернопольский мещанин, живущий в Киеве с 8 сентября 1886 г.¹⁷ Однако, как было сказано выше, поступил он в Лесной институт, зачисление в который последовало 11 сентября 1887 г.¹⁸

Так же, как и его младший брат, А.И.Айзенштейн просил о назначении стипендии. В его заявлении от 18 сентября 1888 г. поводом для этого была обозначена потеря отцом должности¹⁹. С подобными просьбами к администрации ему приходилось обращаться и позднее. Примечательно, что в его личном деле имеется прошение об отпуске в Киев к больной матери, датированное 18 декабря 1887 г.²⁰, и буквально в тот же день М.О.Айзенштейн также попросил администрацию Института гражданских инженеров отпустить его к родным²¹. Очевидно, что братья планировали оказаться в Киеве вместе.

В самом конце учебы А.И.Айзенштейн принял решение перейти в православие и официально сменить имя. Это следует из записи, сделанной на обороте аттестата об окончании реального училища. Учитывая важность содержащихся в ней сведений, приведем данный текст полностью: «Означенный в сем свидетельстве сын васильковского мещанина Аврам Айзенштейн, иудейского вероисповедания, сего 1891 года 27 сентября просвещен святым крещением и наречен при святом крещении “Александром” в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, празднуемого

церковью 30 августа. В чем и свидетельствуем: города Петербурга, церкви Рождества Христова, что на Песках. Священник Георгий Полянский»²². В связи с этим на личном деле студента появилась следующая помета: «Айзенштейн Аврум Иосифович (ныне Александр)»²³.

Обращает на себя внимание то, что данный шаг был сделан всего за три дня до окончания института, поскольку диплом уже на новое имя—Александра Николаевича Айзенштейна—датирован 30 сентября 1891 г.²⁴ Из документов Лесного института остается неясным, почему было изменено отчество вновь крещенного. Однако обращение к метрической книге Христорождественской церкви на Песках дает право уверенно утверждать, что данная перемена была обусловлена именем восприемника, в роли которого выступал ни много ни мало директор Лесного института Н.С.Шафранов²⁵.

Получив диплом, А.Н.Айзенштейн, как следует из его формулярного списка, в 1893 г. был назначен в качестве ученого лесоведа II разряда на службу в Сарапульское лесничество Вятского управления государственными имуществами. К тому времени он уже состоял в браке с Еленой Викторовной Петровой²⁶.

Вернемся однако к М.О.Айзенштейну. В 1893 г. учеба в институте осталась позади. Михаил Айзенштейн среди товарищей «по старшинству полученных на выпускном экзамене баллов» оказался на двадцать восьмом месте из тридцати двух возможных. Тем не менее, он попал в число тех, кто, помимо звания гражданского инженера, получил право на чин десятого класса по Табели о рангах (спустись он ступенькой ниже, и речь могла бы идти лишь о чине двенадцатого класса). За годы учебы Михаил Осипович не сумел снискать и каких-либо особых наград, в то время как трое студентов из его выпуска были удостоены золотой и серебряных медалей за инженерные или архитектурные проекты²⁷.

О первом периоде службы М.О.Айзенштейна узнаем из формулярного списка, составленного в 1894 г. Согласно этому документу, он происходил из купечества и был с 8 июня 1893 г. «с званием гражданского инженера, приказом управляющего Министерством государственных имуществ от 12 июля 1893 г. за № 7, определен гражданским инженером при Прибалтийском управлении государственными имуществами». Там же указан размер его годового содержания—1000 руб., из которых «жалов[ания]—600 руб., столов[ых]—200 руб., кварт[ирных]—200 руб.»²⁸.

К сожалению, на данном этапе нельзя точно ответить на вопрос, когда именно произошла перемена начальной буквы в фамилии Михаила Осиповича, по крайней мере, обнаружить в архиве прямых данных на этот счет пока не удалось. В связи с этим особый интерес представляют дела, в которых хранятся документы о смене фамилии его родным братом—Николаем Осиповичем (Иосифовичем)²⁹, обратившимся в Департамент Герольдии Сената с соответствующим прошением. В нем, в частности, говорилось: «От предков своих, некогда иностранных подданных—Eisenstein,—унаследовал я свою фамилию, которая в документах моих и в формулярном списке прописана—Айзенштейн, в то время как другие лица, происходящие от тех же родоначальников,—значатся под фамилией Эйзенштейн. Между тем оказывается, что в России фамилию Айзенштейн носят не только

лица христианских вероисповеданий—православного и лютеранского—но и евреи. Такое совпадение в частной жизни всегда причиняло мне огорчения. Имея намерение вступить в непродолжительном времени в законный брак и не желая передавать потомству своему фамилию, которая должна постоянно причинять неприятности, почтительнейше ходатайствую перед Департаментом Герольдии о представлении на высочайшее благоусмотрение ходатайства моего разрешить мне впредь именоваться вместо мной носимой фамилии—фамилией Эйзенштейн. Коллежский асессор Николай Эйзенштейн»³⁰. К прошению прилагалась копия диплома об «удовлетворительном выдержании полукурсового испытания в университете св. Владимира в 1899 г. и прохождении испытаний в Юридической испытательной комиссии при Новороссийском университете в мае 1900 г.»³¹.

Имеется в деле и копия удостоверения о крещении и внесении записи в метрическую книгу. Приведем его текст.

«Удостоверение. Дано сие удостоверение причтом Марье-Магдалинской церкви Николаю Иосифовичу Айзенштейну, родившемуся 30 января 1876-го г., в том, что в акте о крещении его записан в метрической книге Марье-Магдалинской церкви местечка Белой Церкви под № 73-м мужеска пола. Белоцерковский Марье-Магдалинской церкви приходской священник подпись, диакон подпись. 1900 года декабря 16 дня. м[естечко] Белая Церковь № 1383»³². Подчеркнем, что Белая Церковь в те годы относилась к Васильковскому уезду, что соотносится с приведенным выше указанием на то, что отец М.О. и Н.О. Айзенштейнов был купцом города Василькова³³.

Вернемся к делу о перемене фамилии. В нем хранится также формулярный список «судебного следователя 2 уч[астка] города Пскова титулярного советника Николая Осиповича Айзенштейна»³⁴ и еще одно прошение от 9 декабря 1909 г. с просьбой освободить «от представления метрической выписи», поскольку подлинник этого документа был утерян, а получение «копии-справки сопряжено с значительными <...> затруднениями и большим промедлением»³⁵.

17 декабря 1909 г. последовала положительная резолюция Сената, признавшая «приводимые просителем основания к перемене носимой им фамилии на “Эйзенштейн” заслуживающими уважения»³⁶, а 14 апреля 1910 г. это решение было утверждено государем³⁷.

Возможно, по схожим мотивам была изменена и фамилия Михаила Осиповича. Во всяком случае, в списке лиц, окончивших в 1902 г. курс Санкт-Петербургского археологического института, его фамилия набрана уже в привычном для нас написании: с буквы «Э»³⁸. (О мотивах, побудивших М.О. Эйзенштейна поступить в это учебное заведение, см. ниже.) Карьера для отца Сергея Михайловича значила очень много, а «нехорошая» фамилия могла оказаться серьезным препятствием для нее. Послужной список Михаила Осиповича³⁹, составленный в 1916 г., показывает его постепенное продвижение вверх по должностной лестнице. У него имелись многочисленные награды: св. Анны 2-й и 3-й степеней, св. Станислова 2-й и 3-й степеней, серебряная медаль в память в Бозе почившего Императора Александра III, нагрудный юбилейный знак в память пятидесятилетнего состояния Великого князя Михаила Николаевича в должности генерал-фельд-

цехмейстера, медали в память 300-летия царствования Дома Романовых, в память столетия Отечественной войны 1812 года, за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г.

М.О.Эйзенштейн прошел службу в армии: он был призван в 1894 г. и направлен во 2-ю батарею 29-й артиллерийской бригады. В тот же год последовало увольнение в запас в звании фейерверкера полевой пешей артиллерии, а в начале следующего 1895 г. ему было присвоено звание прапорщика запаса. Впоследствии он еще дважды, в 1896 и 1903 гг., на несколько месяцев призывался на службу, которую проходил в Красном Селе в 23-й и 37-й артиллерийских бригадах, а в 1904 г. был уволен из запаса⁴⁰.

Регулярно присуждались М.О.Эйзенштейну чины: коллежского секретаря в 1894 г., титулярного советника в 1896 г., коллежского асессора в 1899 г., надворного советника в 1903 г., коллежского советника в 1907 г., статского советника в 1910 г., и, наконец, в 1915 г. он становится действительным статским советником, что давало право на получение потомственного дворянства.

Этим правом Михаил Осипович воспользоваться не замедлил и 6 июня 1916 г. подал прошение, в котором речь шла как раз об этом: «Имею честь покорнейше просить Правительствующий Сенат не отказать утвердить меня и сына моего Сергея в правах потомственного дворянского Российской Империи достоинства с выдачей нам надлежащих свидетельств на означенное звание»⁴¹. К прошению прилагались копия свидетельства о рождении С.М.Эйзенштейна⁴² и свидетельство о том, что он является студентом Института гражданских инженеров⁴³, а также некоторые другие документы. Примечательно, что сведения о том, что фамилия заявителя когда-то звучала несколько иначе, в деле совершенно отсутствуют.

Как бы то ни было, данное прошение было удовлетворено: 13 октября 1916 г. последовало соответствующее решение Сената⁴⁴, а 25 октября 1916 г. (ровно за год до Октябрьской революции) на имена М.О. и С.М.Эйзенштейнов были выписаны свидетельства на потомственное дворянство за номерами 3377 и 3378⁴⁵. Их, как свидетельствует сохранившаяся расписка, выдали на руки М.О.Эйзенштейну 2 января 1917 г.⁴⁶

Получив вождеденный документ, он сразу же задумался об упрочении положения своего рода. Для этого, по его мнению, важно было добиться утверждения собственного герба. Россия тем временем уже вступила в период жесточайших потрясений. Февральская революция, следовавшие один за другим кризисы Временного правительства, военные неудачи, нарастание общей нестабильности,—все эти явления не заставили М.О.Эйзенштейна, вероятно, твердо уверенного в том, что все еще вернется на свои места, усомниться в важности начатого дела. Потому он, находясь в Петрограде и уплатив предварительно необходимые пошлины, обратился 6 октября 1917 г. в Гербовое отделение третьего департамента Сената (бывшую Герольдию) с прошением, в котором говорилось: «Имею честь покорнейше просить Правительствующий Сенат благоволить утвердить составленный по правилам герольдии герб для нашего рода и по утверждении такового выдать мне копию. <...> Покорнейше прошу о внесении меня и сына моего Сергея в общую для всей Российской Империи дворянскую родословную

книгу и выдаче нам надлежащих удостоверений»⁴⁷. Через несколько дней уже из Юрьева, где М.О.Эйзенштейн жил после сдачи немцам Риги, он пишет новое прошение, в котором ведет осторожную дискуссию о конфигурации будущего герба. Из текста ясно, что его всерьез интересовали даже мелкие детали (цвет щита и т. д.)⁴⁸. Дабы дополнительно подкрепить свою просьбу, М.О.Эйзенштейн приложил к этому прошению личное письмо, адресованное руководителю Гербового отделения Владиславу Крескентьевичу Лукомскому, где аргументация относительно геральдических символов излагалась менее официально, но все так же обстоятельно⁴⁹. Впрочем, по понятным причинам всем этим хлопотам суждено было остаться пустыми: произошедшая через несколько дней Октябрьская революция совершенно изменила облик страны, перечеркнув то, что раньше казалось незыблемым, и сохранившиеся в РГИА проекты герба дворян Эйзенштейнов служат тому лишь небольшой иллюстрацией⁵⁰.

Вернемся, однако, к письму, адресованному В.К.Лукомскому. В нем, кроме обсуждения вопроса, о котором было сказано выше, содержится весьма любопытная информация, касающаяся увлечения М.О.Эйзенштейна историей. Именно этот интерес побудил его в 1900–1902 гг. окончить курс Санкт-Петербургского археологического института и получить статус действительного члена этого учебного заведения⁵¹, связь с которым значила для него очень много и в последующие годы.

В 1917 г. в условиях крайней нестабильности общественной жизни и опасности, грозившей «со стороны малосознательных элементов населения культурному достоянию Родины—памятникам старины, старины, особенно дорогой и близкой сердцу археолога»⁵², руководство Петроградского археологического института решило предпринять меры к консолидации научных сил, прежде всего в лице своих прежних питомцев. Для этого было решено создать Союз членов института, в который бы вошли все желающие выпускники прежних лет. Выработан был устав данного Союза, избран его руководящий орган—Совет. Примечательно, что председателем Союза стал все тот же В.К.Лукомский⁵³. Приступивший к работе Совет разослал на места обращение к членам института, устав Совета, а также призыв вступить в него⁵⁴. Желающих откликнуться на эту просьбу оказалось не так уж и много, но М.О.Эйзенштейн был среди них. Об этом свидетельствует упомянутое выше его личное письмо к В.К.Лукомскому, во второй части которого речь шла как раз об этом.

Михаил Осипович сообщал, что он готов войти в состав Союза и в ближайшее время вышлет необходимый для этого членский взнос. Там же он, вспоминая прошлое, писал о том, что к поступлению в Санкт-Петербургский археологический институт его побудило то, что он, «наталкиваясь постоянно на местные прибалтийские особенности», легенды, связанные «с местными замками, развалинами», «не имел надлежащей подготовки для разбора архивов и общих сведений по археологическим вопросам». Потому им и было принято решение стать слушателем института, учеба в котором была для него возможна ввиду частых наездов в Санкт-Петербург по долгу службы. Отмечая собственное прилежание, М.О.Эйзенштейн подчеркивал, что «в то время <...> [это был] единственный случай, когда слу-

шатель посещал институт, слушал лекции и окончил институт, проживая в другом городе (Риге)»⁵⁵. Имеется в письме указание и на последующие занятия М.О.Эйзенштейна историей и коллекционированием, а также сообщение о плачевной судьбе его трудов в данной сфере после падения Риги: «В связи с тем, что вся моя постоянная квартира, библиотека, картины, бронза, мраморные фигуры и пр., вывезенные мною из Парижа, Лондона, Мадрида, Рима и др., мною оставлены в Риге, так как никто не предполагал, что город так скоро будет взят неприятелем (в несколько часов), я совершенно затрудняюсь сказать, цела ли моя квартира (хочу верить, что да),—я выезжал под обстрелом города, а, следовательно, рукопись “Материалы по истории Лифляндской губернии”, каковая предполагалась к напечатанию и являлась результатом почти двадцатилетнего систематического собирания материалов (о чем я Вам говорил в Петрограде), также осталась в Риге, а равно и некоторые предметы историко-археологического и культурного значения. <...>. По имеющимся сведениям в Риге разгромлены все магазины, отчасти и квартиры, но удостоили ли “товарищи” своим вниманием мою квартиру при отступлении, никаких сведений не имею. Но если она и цела, то когда удастся туда попасть?! Поэтому я не могу определенно сказать, имеются ли у меня в настоящее время (и да, и нет) мои историческ[ие] и художеств[енные] вещи и пр. или все пропало бесповоротно»⁵⁶.

Обратим внимание, что сведения, которые сообщает о своих студиях М.О.Эйзенштейн, отчасти пересекаются с требованием Союза указать для желающих войти в его состав некоторую информацию о себе. В частности, о печатных работах и коллекциях или отдельных предметах историко-археологического и художественного значения⁵⁷.

Таким образом, еще раз скажем, что собственной деятельности на поприще изучения истории Прибалтийского края и коллекционированию М.О.Эйзенштейн придавал весьма серьезное значение, не забывая об этом даже в крайне тяжелых условиях эвакуации и революционных потрясений. Остается только посетовать, что произошедшие в стране социальные катаклизмы не позволили ему завершить начатые изыскания изданием печатной работы.

Подводя некоторые итоги настоящего краткого исследования, подчеркнем, что имеющиеся в архивах Санкт-Петербурга материалы, дополненные данными опубликованных источников, позволяют сделать ряд важных выводов относительно происхождения и жизни отца Михаила Осиповича Эйзенштейна (Эйзенштейна), которая даже в период проживания в Риге была довольно тесно связана со столицей—Санкт-Петербургом—Петроградом. Представляется, что содержащиеся в данной статье выводы станут основой для более пристального изучения рода всемирно известного режиссера С.М.Эйзенштейна.

1. Институт гражданских инженеров. Личный состав, распределение учебных занятий и проч. сведения на 1892–93 учебный год. СПб., 1892. С. 26.

2. Там же.

3. См.: *Матченко И.П.* Двадцатипятилетие Киевского реального училища (1873–1898 гг.): Историческая записка. Киев, 1898. С. 122.

4. Там же. С. 109.
5. См.: ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 135. Л. 1, 8.
6. Там же. Л. 4.
7. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 593. Дело со сведениями об учениках, окончивших в 1877 г. дополнительный класс реальных училищ и изъявивших желание поступить в Лесной институт. Л. 173.
8. См.: ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 135. Л. 6, 7.
9. Там же. Л. 18.
10. Там же. Л. 19.
11. Там же. Л. 26.
12. Документы, относящиеся к болезням М.О.Айзенштейна, см.: Там же. Л. 27–33, 36–38, 41, 43, 47–50.
13. Там же. Л. 39, 42, 44–46.
14. Там же. Л. 40.
15. *Эйзенштейн С.М.* Мемуары: В 2-х тт. М.: Ред. газ «Труд», Музей кино, 1997. Т. 1. С. 35.
16. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 539. Личное дело. Айзенштейн Аврум Иосифович (ныне Александр). Л. 3, 4. Имя Авраама Айзенштейна имеется и в опубликованных списках выпускников шестого и седьмого (дополнительного) классов за 1884 и 1885 г. Киевского реального училища (см.: *Матченко И.П.* Указ. соч. С. 108, 122). Подчеркнем, что в документах студенческого личного дела он называется по-разному: Аврумом и Аврамом.
17. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 539. Л. 2.
18. Там же. Л. 11.
19. Там же. Л. 16.
20. Там же. Л. 12.
21. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 135. Л. 8.
22. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 539. Л. 4 об., 5 об. Подлинность подписи священника Георгия Полянского удостоверена печатью.
23. См.: Там же. (Обложка личного дела.)
24. Там же. Л. 41.
25. Запись за №366 в списке родившихся за 27 сентября 1891 г. гласит: «*Александр* (присоединенный).
- Ученый лесовод из Васильковских мешан Киевской губернии Аврум Иосифович Айзенштейн, еврейского закона, родившийся 15 июля 1866 г., просвещен св. крещением и наречен при св. крещении «Александром» в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, празднуемого церковью 30 августа.
- Восприемники:
 Директор Лесного института действительный статский советник Николай Симеонов Шафранов и жена титулярного советника Мария Николаевна Юшкова.
 Священник Георгий Полянский» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 64. Метрическая книга церкви Христорождественской на Песках за 1891 год).
26. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 25. Формулярные списки: Азиков С.В.—Акатов И.И. Л. 82–83.
27. Институт гражданских инженеров на 1893–94 учебный год. СПб., 1893. С. 22–23.
28. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 25. Л. 84 об.
29. Написание отчества разнится, и даже сам Николай Айзенштейн указывал его в документах по-разному: «Иосифович» и «Осипович» (см., например: РГИА. Ф. 1343. Оп. 50. Д. 5. О перемене фамилии Николая Айзенштейна на фамилию Эйзенштейн. Л. 3 и 7).
30. Там же. Л. 3.

31. Там же. Л. 4.
32. Там же. Л. 5.
33. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 135. Л. 4.
34. РГИА. Ф. 1343. Оп. 50. Д. 5. Л. 8–13. В документах Н.О. Айзенштейн фигурирует как титулярный советник и как коллежский ассессор, чин которого, по всей видимости, был ему присвоен уже в то время, когда дело о перемене фамилии находилось в производстве.
35. Там же. Л. 7.
36. РГИА. Ф. 1405. Оп. 400. Д. 1609. О дозволении Николаю Айзенштейну принять фамилию Эйзенштейн. Л. 5.
37. Там же. Л. 6; РГИА. Ф. 1343. Оп. 50. Д. 5. Л. 1.
38. Отчет о состоянии Санкт-Петербургского археологического института в 1901–1902 учебном году // Вестник археологии и истории. 1903. Вып. XV. С. 28, 17. См. также: Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского археологического института в Санкт-Петербурге. 1878–1911 гг. СПб., 1911. С. 44.
39. РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 28415. Дело о дворянстве Эйзенштейна. Л. 3–11.
40. Там же. Л. 3 об., 4 об., 5 об., 6 об., 7 об.
41. Там же. Л. 1.
42. Там же. Л. 35.
43. Там же. Л. 36.
44. Там же. Л. 37–37 об.
45. Там же. Л. 38.
46. Там же. Л. 39.
47. РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 28416. Дело по прошению Эйзенштейна об утверждении герба. Слуш. 29 ноября 1917 г. Л. 1. Заметим, что Российская Империя—государство, в дворянскую родословную книгу которого так желал попасть М.О. Эйзенштейн, юридически перестало существовать еще 1 сентября 1917 г.
48. РГИА. Ф. 1943. Оп. 49. Д. 2003. О составлении и представлении на утверждение Правительствующего Сената герба рода дворян Эйзенштейнов. Л. 1. Документ датирован 10 октября, штемпели на конверте свидетельствуют, что уже на следующий день письмо было отправлено, 15-го числа оказалось в Петрограде, а 16-го этому прошению был присвоен входящий номер (Там же. Л. 7).
49. См.: Там же. Л. 2.
50. Проекты герба см.: Там же. Л. 4, 5, 8, 9, 10.
51. Данный статус присваивался выпускникам, имевшим высшее образование, прочие становились сотрудниками института (См.: Положение и штат Императорского археологического института // Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского археологического института в Санкт-Петербурге. 1878–1911 гг. СПб., 1911. С. 10–11).
52. Отчет Совета Союза членов Петроградского археологического института общему собранию Союза за 1917–1918 год. Пг., 1918. С. 1.
53. Там же. С. 1–3.
54. Там же. С. 5–6.
55. РГИА. Ф. 1943. Оп. 49. Д. 2003. Л. 2 об.–3.
56. Там же.
57. См.: Отчет Совета Союза членов Петроградского археологического института... С. 10.